

АДРЕС ОДНОГО АКТЕРА

М. Вечерняя Москва 21/33

Недавно в театральном клубе состоялся творческий вечер актера Сергея Мартинсона.

Вот актер, в работе которого скрещиваются многие линии, общие для ряда направлений современного театра, литературы, живописи и кинематографии.

Очень трудно прямыми словами определить манеру Мартинсона. Легче найти его соседей и по ним разыскать его творческий адрес.

Неровная, стремящаяся к абсурду линия Кукрыниксов, романтическая гипербола Олени, страсть к чудовищному и отталкивающему, характерная для немецкого художника Дикса,—все это находится где-то возле Мартинсона, живет в одном с ним измерении.

Речь идет не о сходстве, не о тождестве. Если это и сходство, то сходство не между отцом, например, и сыном. Это скорее сходство между людьми, пришедшими из одной местности. Это—сходство односельчан.

Все они пришли из страны чудовищных гипербола. Каждый из них принес в свою работу много разных и не похожих друг на друга вещей, но одно у них общее—страсть к условному, внешнему, подчеркнуто сделанному.

Страсть к обличению через нечеловеческое преувеличение. Желание довести противника до абсурда и так уничтожить.

Мартинсон - Хлестаков в сцене опытного произносит слово «звезда». Лицо у Хлестакова в эту минуту идиотское. Он поражен. Он и сам не ожидал, что наградит себя звездой. Он повторяет это слово до тех пор, пока оно не остается просто звуком без тени смысла. Но как повторяет, Мартинсон делает это слово таким диким и нелепым, что в самом его звучании спрятан образ всего Хлестакова, удивленного, не-

Акт. С. Мартинсон в роли Хлестакова.

сущего свое вранье во весь карьер без оглядки.

Так внешне, сделанно, эксцентрично найдены решения всех ролей. Валериан из «Мандата»—экстракт из пшотов, человек с индюшачьим движением шеи. Татаров—экстракт из романтического подлеса с добавлением мертвечины. Улялюм — гений сексуальности. Особенно стоит роль Пикеля из «Гоп-ля», сделанная как-то ближе к хорошему французскому водевилю.

Если работа Мартинсона — эксцентризмом, то эксцентризмом психологический. Пожалуй, только так и можно определить манеру Мартинсона.

Но не ждите от Мартинсона полного вживания в образ. Это мастер холодный и расчетливый. Для каждой роли он находит несколько типичных черт, изобретает для них преувеличенную

форму и подает это в зрительный зал не как живую эмоцию, а как сигнал, обозначающий эту эмоцию.

Вот почему, очевидно, ультра-современный по технике актер Мартинсон, мастер тонкой и изощренной формы, в конце-концов доходит до лобой, самой неподготовленной аудитории.

Стихия «преувеличенного» театра, стихия внешнего, стихия не переживаний, а условных о них сигналов — вот Мартинсон. Это особенно чувствуется, когда Мартинсон попадает на небольшую сценическую площадку. Так было в театральном клубе. Мартинсон не влезал в сцену. Ему играть на маленькой площадке физически невозможно.

Очевидно это и есть то особое изменение, в котором работает Мартинсон.

Это и есть его творческий адрес. Но все сказанное—отнюдь не официальная справка.

ЕВГ. КРИГЕР